

ГРОЗА НАДВИГАЕТСЯ

Пальцы у Джека ныли, ладони покрылись волдырями. А ведь когда-то он играючи справлялся с подобной работой. Когда-то твердые мозоли надежно предохраняли его руки от скользкой рукояти серпа — только где теперь те времена-то? На целых три года мальчуган был освобожден от работы на ферме. С утра до ночи он заучивал поэтические строки да перебирал струны арфы. Не то чтоб ему удалось-таки сравниться с Бардом, о нет. Этого не будет никогда.

По лбу струйками стекал пот. Джек вытер лицо; никакого толку, вот разве что грязь в глаза попала.

— Черт бы подрал эту повинность! — выругался он, отшвырнув серп.

— У тебя хотя бы две руки, — пропыхтела взмокнувшая Торгиль, что трудилась неподалеку.

Ей приходилось зажимать пучок папоротника-орляка под мышкой и только тогда пускать в дело нож. От бездвиженной правой руки толку было мало, однако девочка не сдавалась. Джека это восхищало и раздражало одновременно.

— Почему нельзя поручить это кому-то другому? — пожаловался он, плюхаясь в упрutie папоротники.

— Даже Тору случается выполнять унизительную работу, когда он в походе, — напомнила Торгиль, невозмутимо роняя очередную охапку папоротника на быстро растущую кучу. И повернулась нарезать еще.

— Какой же это поход! Это рабья работа.

— Кому и знать, как не тебе, — парировала воительница.

Щеки Джека запылали огнем: мальчуган отлично помнил, как рабом был привезен в Скандинавию. На языке вертелся самоочевидный ответ: уж не сама ли Торгиль родилась рабыней? Но Джек сдержался. На Торгиль и без того то и дело накатывало мрачное уныние, а тогда всем вокруг приходилось несладко. Прямо как спорынья какая-то, честное слово, — губит зерна радости на корню.

С тех пор как Торгиль поселилась в деревне, все шло наперекосяк. Лишь с помощью самых страшных угроз Бард заставил ее молчать о том, что она скандинавка из отряда кровожадных пиратов-викингов, уничтоживших Святой остров. И все равно деревенские жители поглядывали на нее с подозрением. Торгиль отказывалась носить женское платье. Торгиль обидчива, вспыльчива и необузданна. Торгиль — та еще грубиянка. Торгиль угрюма и нелюдима. Словом, превосходный образчик северного дикаря.

Однако же, не уставал напоминать себе Джек, и у Торгиль есть свои добрые качества — если, конечно, понятие доброты вообще применимо к викингам. Торгиль отважна, преданна, на нее всегда можно положиться. Эх, прояви она хоть малую толику уступчивости!

— Если сдвинешь задницу, я и этот папоротник срежу. Или ты тут задряхнуть решил? — прорычала Торгиль.

— Ох, да заткнись ты! — Мальчуган поднял серп и поморщился: на ладони лопнул волдырь.

Долгое время Джек с Торгиль работали молча. Солнце изливало волны зноя на душное редколесье. Над головой, насколько хватало глаз, расстиралось безоблачно-синее небо — как опрокинутое озеро. Оно словно давило сверху — жаркое, влажное, совершенно недвижимое. Джеку с трудом верилось, что надвигается гроза, но так сказал Бард. А кто дерзнул бы оспорить его слова? С высокой скалы, на которой стояла древняя римская вилла, его одинокий дом, Бард слушал птиц и наблюдал движение моря.

Но вот с дороги донеслось знакомое громыхание запряженной волами телеги; Джек и Торгиль вскинули глаза. Мгновение спустя двое рабов кузнеца, молчаливые здоровяки, с треском и хрустом продрались через подлесок забрать свежесрезанный папоротник. Тяжело топая, они расхаживали туда-сюда, не произнося ни слова и избегая встречаться с кем-либо взглядами. Их отец, родом из Беббанбурга, продал сыновей в рабство: они-де сообщали тугу. А сами они что думали на этот счет? — размышлял Джек. Эти рабы, похоже, ни с кем не общались, даже друг с другом.

Ведь думать умеют даже животные. Как объяснял Джеку Бард, у зверей есть своя мудрость — доступная

тем, кто возьмет на себя труд приглядеться повнимательнее. А какой такой мудростью могли бы поделиться Гог и Магог (так звали рабов)? Да уж, судя по их мрачным лицам и отведенным взглядам, ничего хорошего от них ждать не приходится, решил про себя Джек.

Телегу нагрузили доверху, а Джек с Торгиль побрели домой. Большую часть времени они жили в доме Барда, но сейчас, в преддверии надвигающейся грозы, вернулись на ферму Джековых родителей. За последние три года ферма изрядно разрослась.

В придачу к полям, жилому дому, амбару и зимнему складу под навесом отец Джека отстроил новехонькую маслобойню. В хлеву добавилось три крепких черных коровы. Ходила за ними Пега, освобожденная Джеком рабыня. Еще на ее попечении были куры, новорожденные ягнята и ослик. Вот только к лошадям Пегу не подпускали. Лошади находились в ведении Торгиль, что бдительно их оберегала, особенно от дочерей кожевника.

На границе участка, где на каменистой земле ничего не росло, притулилась сложенная из торфяных кирпичей лачуга. Там ютилась вдова кожевника с двумя дочками — в страшной тесноте, как три горошины в стручке. Год назад они перебрались сюда помогать матери по хозяйству, да так обратно и не переехали.

— Скорее бы уже гроза, что ли! — воскликнула Торгиль, швыряя камнем в ворону. Птица с легкостью увернулась. — Такая духотища — словно в жидкой грязи задыхаешься!

Джек оглядел безоблачное синее небо. Стоял, казалось бы, самый обычный летний день — кабы не зловещая неподвижность.

— Бард говорил с ласточкой с юга. Она поведала, что все воздушные потоки смешались и перелетные птицы растеряны и сбиты с толку. Торгиль, а почему ты сама никогда не беседуешь с птицами?

Воительница в самом деле некогда обрела такую способность, случайно отведав драконьей крови.

— А они мне никогда ничего не рассказывают, — пробурчала Торгиль.

— Может, если бы ты не бросала в них камни...

— Птицы — дуры, — отрезала девчонка.

Джек пожал плечами. Как это похоже на Торгиль — пренебрегать полученными дарами и мечтать о том, что никогда не сбудется, — о славной судьбе воина! Обездвиженная рука положила конец ее надеждам. А еще Торгиль хотела быть поэтом. Джек вынужден был признать, что талантом она не обделена. Голос девочки звучал резко, она питала особую слабость к сценам кровопролития и жестокой смерти, но ее истории подчиняли себе внимание слушателей.

Долгими зимними вечерами селяне сходились к очагу вождя ради песен и горячего сидра. Бард играл на арфе, а когда уставал, Джек и Торгиль принимались рассказывать саги. Брат Айден, монашек со Святого острова, в свой черед развлекал слушателей историями про бога Иисуса — о том, как Он накормил тысячу человек пятью рыбами и совершил немало других занятных чудес. Но главной звездой этих посиделок была Пега. Голос ее звучал так волшебным образом, что даже шквальный ветер стихал, чтобы ее послушать.

— Клянусь Тором, эти кожевниковы сопливки к моим лошадям лезут!

Торгиль припустила бегом; Джек поспешил за ней, чтобы предотвратить неминуемую драку. Год назад этих коней подарил король Брут, и дочери кожевника проявляли к ним самый живой интерес. Вообще-то было не вполне понятно, кому лошади принадлежат, ведь изначально они перешли в распоряжение всего отряда паломников, что возвращался из Беббанбурга. Джек полагал про себя, что дар предназначался Барду, но Торгиль настояла, что кони ее по праву, ведь только она здесь — настоящий воин.

— А ну, пошли прочь, шавки шелудивые! Вы мне все обучение испортите!

Торгиль свистнула, кони стремительно развернулись — и маленькие наездницы полетели в грязь. Горячие скакуны резко остановились перед воительницей и нервно заплясали на месте. Джек кинулся поднимать ороющих девчонок.

— Вели им заткнуться, а не то я уж дам им повод для рёва, — огрызнулась Торгиль, поглаживая лошадиные гривы.

Джек поспешил удостовериться, что девочки не пострадали. Им было восемь и десять, но на свои годы они не выглядели — чахлые заморыши, они жили впроголодь и дышали ядовитыми испарениями сыромятни вплоть до самой смерти отца.

— Они же дети, — вступился Джек, вытирая им грязные зареванные мордахи подолом своей туники. — Ты, небось, в их возрасте то же самое выделывала.

— Я была воительницей. Я — дочь...

— Ну хватит! — резко оборвал ее Джек.

Малявки перестали реветь и с любопытством уставились на Торгиль.

— Так кто ж твой папа? — спросила та, что постарше.

— Небось, тролль, — хихикнула младшая.

Торгиль нагнулась за камнем, и девочки кинулись улепетывать со всех ног.

— Грязные болотные крысеныши, — пробурчала она.

— Одна обмолвка — и пиши пропало, — предостерег ее Джек. — Стоит лишь намекнуть, что ты не саксонка, кому-то, у кого есть причины тебя ненавидеть, и против тебя поднимется вся деревня. А заодно достанется и нам с родителями — за то, что тебя приютили.

— Долг благодарности — единственное, что меня останавливает, иначе с какой радостью я швырнула бы им в лицо свою истинную родословную!

Торгиль обняла одного из коней за шею, а тот ткнулся ей носом в плечо — словно расцеловал на свой лошадиный лад. Джек в который раз поразился, как любят воительницу животные. Жаль, что в людях она неспособна пробудить это чувство.

— Пойдем уже домой, — позвал Джек. — Я с голоду умираю, а нам еще весь вечер папоротник резать.

— Черт бы подрал этот папоротник, — выругалась Торгиль. — Черт бы подрал никчемное, нудное прозябание в этой деревне. Да я за одну гнилую репу с утеса бы в море кинулась!

— Еще чего, — отмахнулся Джек, увлекая девочку за собой по дороге.

ДИКАЯ ОХОТА

Дурное настроение Торгиль не развеялось и дома. Она хмуро приняла миску из рук матери и жадно набросилась на еду.

— У нас в деревне принято говорить спасибо за угощение, — напомнила мать.

Джек тяжело вздохнул. Этой битве — попыткам внушить воительнице хоть какие-то представления о вежливости — конца-края не предвиделось.

— А зачем? — буркнула Торгиль.

— В знак благодарности.

— Так я благодарна. Я ж лопаю это пойло — аж за ушами трещит! Что в словах толку-то? Все равно что хвалить меня за нарезанный папоротник. Если все начнут по сто раз говорить спасибо друг другу за всякую мелочь, так и работать будет некогда.

— Не в том дело, — терпеливо поучала мать. — Людям приятно слышать приветливые слова. Вот как «доброе утро» или «как дела?».

— А если утро поганое или, скажем, плевать я хотела, как там дела у соседа?

— Ох, да делай как знаешь! — в сердцах воскликнула мать. — Уж хоть бы откуда ни возьмись викингский корабль приплыл да и увез тебя с глаз долой! — И она выбежала за дверь.

Джек поднял брови. Чтобы мать да вышла из себя из-за пустячной перебранки? Ну да Торгиль — она такая: если уж примется буйствовать, так даже кроткий брат Айден и тот кляксами пергамент заляпает.

Джек слышал: мать с Пегой обсуждают, как укрыть скотину от надвигающейся бури. Лошадей и коров придется поставить в хлев: в тесноте, да не в обиде. А злобные, неуживчивые овцы пусть перебиваются снаружи.

— Даже Олав Однобровый желал людям доброго утра, — напомнил Джек, называя по имени приемного отца Торгиль, ныне погибшего.

— Только если утро и в самом деле выдалось добрым. Олав никогда не врал. — Торгиль прикрыла глаза рукой.

— Ты что, плачешь?

— Еще чего! Это все вонючий дым в этой вашей грязной лачуге. — Воительница так и не отняла ладоней от лица.

— Хочешь, отдам тебе свой хлеб?

— На черта мне сдались твои объедки пополам с долгоносиками, — пробурчала Торгиль. Хотя по тому, как жадно она ела, было понятно: девчонка голодна как волк.

Без толку ей сочувствовать, посетовал про себя Джек. Жалость для нее — лишь проявление слабости. Ее дурное настроение стремительно набирало силу, точно летние грозы; молнии так и летели во все стороны, но, если запастись терпением и пропускать все ее оскорбления мимо ушей, со временем тучи развеются. Впрочем, Джек сам не знал, что ему предпочтительней — уныние Торгиля или случайные вспышки радости. Иногда на нее накатывал словно бы неумный восторг, когда всё — краски, запахи, звуки — вызывало в ней бурное восхищение. Тогда она хватала Джека за руку и силком тащила полюбоваться на предмет своих очередных восхвалений.

Бард объяснял: это все потому, что Торгиль воспитывали как берсерка, посвященного смерти. А теперь, благодаря охранной руне у нее на шее, девочка оказалась под властью жизненной силы. Неудивительно, что Торгиль словно разрывается пополам.

В дверях появилась Пега, неся корзинку с курицей, и на душе у Джека полегчало. Вот Пега никому не отравляет жизнь. Пега — сама заботливость; только и думает, как бы кого порадовать. Помогает матери со стряпней, пропалывает огород Барда, где растут целебные травы, стоит над душой у брата Айдена, напоминая, чтобы тот не забыл поесть. Пега родилась рабыней и любое обращенное к ней доброе слово принимала с трогательной благодарностью. Джек находил ее почти хорошенькой, несмотря на уродливое родимое пятно в пол-лица. Это дух ярко сияет сквозь невзрачную оболочку, говаривал Бард. А вот Торгиль, напротив, показалась бы настоящей красавицей, если бы впечатления не портил злобный характер.

— Придется всю птицу в дом забрать, — сообщила Пега, ставя корзинку у стены. — Вы бы только видели небо на юге! Темное, жуть просто, а туч не видать!

— Тебе помочь? — с надеждой осведомился Джек.

— Сходи отнеси обед работникам в поле, — велела мать, пинком распахивая дверь: в руках она несла вторую курицу. — Судя по тому, что творится в небе, резать папоротник недолго осталось. А по пути обратно проверь лишний раз улы.

Мать не улыбалась, и Джек понял, что впал в немилость заодно с Торгиль. Что за несправедливость! Можно подумать, он виноват в том, что не в силах приструнить воительницу. Даже Олав Однобровый, бывало, держал ее за ноги над обрывом воспитательного эффекта ради, если Торгиль вдруг принималась своевольничать. К сожалению, ничуть не реже Олаву случалось и вознаграждать ее за дурное поведение. Скандинавы подобные выходки просто обожают.

Джек с Торгиль нагрузили ослицу корзинками с хлебом и сидром. Поселяне в большинстве своем не покладая рук трудились на сенокосе. Немногие оставшиеся дома, как, например, мать или жена вождя, готовили им поесть. А небо снаружи и впрямь изменилось до неузнаваемости за какие-то несколько минут. На севере оно сияло голубизной, а вот в южной части потемнело до аспидно-серого цвета. И однако ж Пега права: ни облачка не видеть.

— Что это еще за странный запах? — повела носом Торгиль.

— Даже и не знаю, — откликнулся Джек. — Словно одежда сушится под солнцем.

— А мне... даже нравится! Хочется бегать и петь! Может, гроза — это не так уж и плохо?

Лицо Торгиль слегка прояснилось. Как это на нее похоже, подумал Джек, — радоваться тому, что удручает и тревожит всех остальных.

— В жизни не видывал такого неба, — промолвил он.

— А я видела, — отозвалась воительница. — Когда совсем маленькая была. Мама унесла меня в погреб, где хранились овощи. Она пыталась меня защитить: помню, как она закрыла меня своим телом. Еще собаки выли или, может, ветер...

— Надо бы нам поскорее с работой справиться, — перебил ее Джек, меняя тему.

Мать Торгиль была рабыней: ее принесли в жертву на погребальном костре родного отца девочки. Все воспоминания Торгиль о той части жизни были пропитаны злом. Если ее вообще удавалось о них разговорить, девочка погружалась в еще более глубокое отчаяние.

Они спешили от фермы к ферме, разнося еду работникам на полях и в хлевах. В амбарах пол был выстлан сланцем, поверх которого набрасывали плотный слой папоротника. Папоротник не только защищал от сырости сено, но еще и набивался в крысиные пасти, так что крысы там не задерживались. Домашний скот жил на этом фураже всю зиму. Если папоротник вымокнет под дождем, он загниет, и животным придется голодать. В воздухе стоял густой, бодрящий запах свежескошенного сена.

На каждом поле люди, согнувшись, работали косой или серпом и вязали снопы. Для перевозки по возможности использовалась телега кузнеца. Но времени терять было нельзя, и по большей части работники таскали сено

на себе. Те, у кого амбаров не было, закрывали стога соломенными конусообразными крышами, словно гигантскими шляпами, и надеялись на лучшее.

Несколько месяцев назад Джек попытался запрячь лошадок Торгиль в телегу, но те брыкались, не давая надеть на себя упряжь, и слушаться отказывались. И это тоже несправедливо вменяли Джеку в вину — ведь Джек с лошадьми управляться совсем не умел. Кони доверяли Торгиль, но та никак не соглашалась приучать их к ярму. Они воины, а не рабы, настаивала девчонка.

Ох уж эта Торгиль! Джек видел, как поселяне опасливо принимают еду из ее рук и отворачиваются, украдкой осеняя себя крестом.

Друзья оставили ослицу в последнем из сараев и пошли проверить ульи.

— Давай-ка поторопимся, — промолвил Джек, глядя на темнеющее к югу небо. Неужто это и в самом деле тучи? Вдали что-то бурлило и вскипало, но воздух казался недвижимым и мертвым. Листья на ветках бессильно поникли.

Даже пчелы понимали: что-то не так. Они уже не носились туда-сюда в поисках нектара; рабочие пчелы кружились у летков, словно высматривая тайного врага. Ульи были накрыты перевернутыми корзинами, вроде как стога сена — соломенными «шляпами». В доме пчелы были бы в большей безопасности, но передвигать ульи с места на место не стоило — это сбивало их обитателей с толку. Что ж, пусть выживают там, где привыкли.

Отец еще в начале года возвел вокруг ульев каменную ограду, чтобы овцы не паслись слишком близко. Теперь Джек порадовался этой добавочной защите.

— Пчелы ведут себя так, будто настала ночь, — подивился он вслух. — Они почти все внутри. Послушай, как гудят!

— Знаешь, а ведь я их, кажется, понимаю, — сообщила Торгиль, прижимаясь ухом к одной из перевернутых корзин. — Это все равно что крики птиц. Как странно!

— Так ведь пчелы — дети воздуха. И что же такое они говорят?

— Они напуганы. Чуют, что смерть близка. Ой! — Торгиль хлопнула себя по уху и проворно отпрыгнула.

— Отойди подальше. Если одна ужалил, остальные тут же всем роем на тебя накинутся, — предостерег Джек.

Но пчелы не покидали пределов улья. Джек с Торгиль уселись на корточки чуть в стороне, наблюдая за происходящим. Уж какого бы врага насекомые ни заприметили, опасность явно внушала им страх.

— Гляди-ка! — не веря своим глазам, закричал Джек.

Небо на юге заполнили стремительно растущие тучи. Темная пелена распалась на туманные клочья, и клочья эти неслись в сторону детей так быстро, что Джек инстинктивно кинулся наземь, увлекая за собою Торгиль. А в следующий миг налетела буря.

От полной неподвижности воздух взбурлил до настоящего урагана; дети так и покатались по земле. С одного из ульев сорвало корзину, и он опрокинулся на каменную оградку. Ветер выл громко — не перекричать. Вместе с Торгиль Джек пополз по грязи к овечьему закуту в дальнем конце пастбища.

Джек ничего такого не видел, пока вспышка молнии не озарила мир белым светом и от раската грома не содрогнулась земля.

— Клянусь Тором! — читалось на губах у Торгиль в ослепительно-ярком зареве.

Дети отчаянно ползли все вперед и вперед, замирая на месте всякий раз, когда из-за туч била молния. И однако ж дождя не было. Джек с Торгиль добрались наконец до загона и протиснулись внутрь вместе с тремя овцами, которым одновременно пришла в голову та же самая мысль. Ветер бушевал над ограждающим кругом камней, но внутри, у самой земли, среди ошметков пропотевшей шерсти, Джек ощущал себя едва ли не в безопасности.

— Клянусь Тором! — вновь воскликнула Торгиль, указывая куда-то вверх.

Джек запрокинул голову. Подобного зрелища он в жизни не видел! В небесах висела туча в форме воронки; рев стоял такой, словно обезумела тысяча пчел. По коже его побежали мурашки — ни дать ни взять настоящие муравьи. В зияющем жерле воронки Джек разглядел клубок извивающихся молний и там же — ветки деревьев и, по-видимому, обломки дома. В следующий миг туча исчезла как не было.

Овцы, пронзительно бляя, сбились в кучу. Джек втиснулся между ними, а Торгиль внезапно попыталась выкарабкаться по стене наружу. Ветер опрокинул ее обратно в загон. Девочка вновь подтянулась и, встав на стену, воздела руки к небу. На фоне ревущей бури голос ее звучал не громче стрекота кузнечика, но Джек разобрал-таки слова:

— Возьми меня с собой!

— А ну, слезай! — заорал он, ухватив ее за ноги.

— Нет! Нет! — протестовала она, но Джек стащил-таки ее вниз. Отчаянно отбиваясь, Торгиль изо всех сил врезала ему в живот. Джек рухнул на землю, хватая ртом

воздух, а воительница вновь вскарабкалась на стену. — Забери меня с собой! — пронзительно выкрикнула она.

И тут хлынул дождь: водяные потоки обрушились с небес и залили загон, так что овцы едва не захлебнулись. Они мутузили Джека копытами, а одна так даже под себя подмяла. Но тут порыв ветра сбил овцу с ног, раздалось испуганное блеяние — вода подхватила ее и унесла.

Как долго лил дождь, Джек так и не понял. Казалось, не один час. Резко похолодало, по голове забарабанили градины, да какие здоровенные! Овцы заревели от боли. Впрочем, град быстро кончился и снова хлынул ливень. Все это время небеса то и дело вспарывали молнии и за горизонтом прокатывался гром.

Со временем буря начала успокаиваться. Вспышки сделались редкими, гром, ворча, затихал где-то на севере. В южной стороне небо засияло ясной, прозрачной голубизной.

Джек опасливо поднялся на ноги. Вокруг царил полный разор. Кусты все поломаны и вматы в землю. По земле разбросаны ветви и сучья из дальнего леса. Тут же валялась туша мертвой овцы — той самой, что пыталась затоптать Джека.

Торгиль недвижно распростерлась в жидкой грязи. А ведь Джек даже не заметил, что девчонка выбралась таки из закута!

— Ох, Торгиль! — закричал Джек, выкарабкался наружу и опрометью кинулся к ней. Он поднял Торгиль с земли, усадил к себе на колени. — Ох, родная моя! Моя любимая!

Широко раскрытые глаза девочки глядели в пространство. Но не остекленели, нет. Она жива! Джек облегченно

выдохнул, на радостях крепко обнял воительницу и тут же забеспокоился, уж не сломала ли она ребро.

— Он не взял меня с собой, — слабо выдохнула девочка.

— Кто тебя не взял? — переспросил Джек. Уж не бредит ли она?

— Он увидел, что у меня рука ни на что не годна, и понял, что я больше не воин. Он хотел забрать меня, да Один не позволил. Ох, Фрейя, лучше бы я умерла! — И Торгиль разрыдалась.

Джек встревожился не на шутку: вот если б девочка начала ругаться на чем свет стоит, тогда дело другое!

— У тебя внутри все цело? — обеспокоенно спросил он.

— Ничего такого, чего смерть не исправит, — отмахнулась Торгиль, и в словах ее прозвучал отголосок бывшего боевого духа. — Но я все равно никогда больше с ним не свижусь.

— С кем? О чем ты говоришь? — На юге проглянуло солнце, тучи над головой побелели, между ними проблескивала синева.

— Я про Олава Однобрового, — глубоко вздохнула воительница. — Он был там, в облаках, но ему пришлось бросить меня здесь.